

Джордж Р.Р.
МАРТИН

GEORGE R.R.
MARTIN

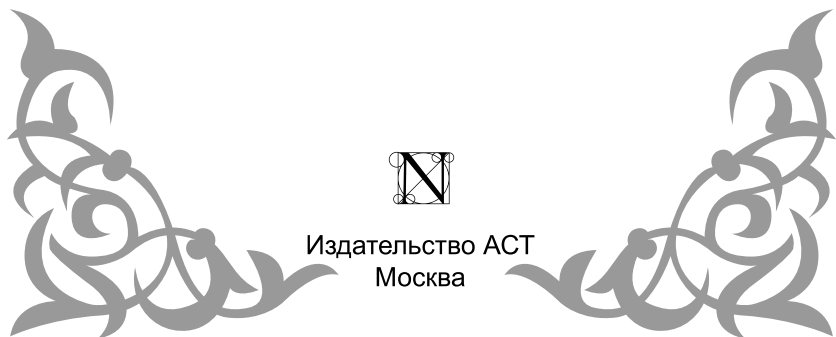
FEVRE DREAM

Джордж Р.Р.
МАРТИН

ГРЁЗЫ ФЕВРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44
М29

Серия «Мастера фэнтези»

George R. R. Martin
FEVRE DREAM

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Мартин, Джордж Р. Р.

М29 Грезы Февра : [сборник ; пер. с англ.] / Джордж Р. Р. Мартин. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 608 с. — (Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-088611-1

В настоящий сборник вошли работы, раскрывающие новые грани таланта Джорджа Мартина: готический роман «Грезы Февра», а также рассказы, ставшие безусловной классикой жанра хоррор, написанные им задолго до истории противостояния знатных родов Вестероса.

**УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44**

© George R. R. Martin, 1967, 1976, 1982, 1983,
1987, 1988
© Перевод. В. А. Гольдич, И.А. Оганесова, 2015
© Перевод. Т. Н. Замилова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-088611-1

ГРЕЗЫ ФЕВРА

---

* Fevre Dream. ©George R. R. Martin, 1982.
Пер.с англ. Т. Замиловой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сент-Луис

Апрель 1857 года

Желая привлечь внимание портье, Эбнер Марш постучал по конторке набалдашником изящной трости из древесины пекана.

— Мне нужно увидеть человека по имени Йорк, — сказал он. — Джошуа Йорк. Во всяком случае, так он себя называет.

Портье, пожилой мужчина в очках, от внезапного резкого звука вздрогнул, но когда, повернувшись, узнал посетителя, расплылся в широкой улыбке:

— Да это же капитан Марш!.. Не видел вас вот уже полгода, капитан, хотя слышал о вашем несчастье. Ужасно, просто ужасно. Я здесь с тридцать шестого года, но такого льда не припомню.

— Не стоит говорить об этом, — с раздражением заметил Эбнер Марш.

Иной реакции он и не ожидал. Постоялый двор под названием «Дом переселенца» пользовался популярностью у речников. До той жуткой зимы Марш и сам регулярно захаживал туда пообедать. Однако после ледового затора он там больше не появлялся. И дело не только в ценах. При всем том, что Эбнеру Маршу нравилась еда, подаваемая в «Доме переселенца», он не испытывал ни малейшего желания встречаться с его завсегдатаями: лоцманами и капитанами, их помощниками, словом, речниками — старыми товарищами и старыми соперниками, которые, бесспорно, слышали о его неудаче.

Эбнер Марш в людской жалости не нуждался.

— Вы мне только скажите, в каком номере остановился Йорк, — не допускающим возражений тоном попросил он.

Портье нервно качнул головой:

— Мистера Йорка сейчас нет в номере, капитан. Вы сможете найти его в обеденном зале, он отправился перекусить.

— Как? В этот час?

Марш взглянул на богато украшенные гостиничные часы, затем расстегнул медные пуговицы своего кителя и вытащил из кармана собственный золотой хронометр.

— Десять минут первого, — не веря своим глазам, произнес он. — Так вы говорите, он ест?

— Да, сэр, именно. Мистер Йорк поступает так, как ему удобно. И он не из тех людей, которым можно ответить отказом, капитан.

Эбнер Марш, прорывав что-то, вложил часы в кармашек, молча отвернулся от стойки и размашистым тяжелым шагом направился через богато меблированный холл гостиницы к выходу. Человек он был крупный и к числу терпеливых не относился. Деловые встречи в полуночный час, судя по всему, не входили в его привычки. Свою трость Марш держал с прежним высокомерием, словно ничего не случилось.

Обеденный зал был почти таким же величественным и роскошным, как главный салон на большом пароходе, — с хрустальными канделябрами, отполированными до блеска медными ручками и всем прочим. На столах, покрытых белоснежными скатертями тонкого льна, стояли приборы из лучшего фарфора и хрусталя. В обычное время зал переполняли бы путешественники и моряки, но в этот час столы были свободны, большая часть светильников не горела.

Полуночное свидание имеет одно преимущество, размышлял капитан Марш: по крайней мере не придется страдать от сочувственных речей. Возле кухонной двери о чем-то тихо переговаривались два чернокожих официанта. Не обращая на них внимания, Марш прошел в дальний конец зала, где в одиночестве трапезничал хорошо одетый незнакомец.

Мужчина не мог не слышать приближения капитана, но взгляда от тарелки не оторвал. Он сосредоточенно поглощал из фарфоровой миски фальшивый черепаховый суп. Судя по покрою длинного черного сюртука, к речникам незнакомец не относился. Он мог быть приезжим с Восточного побережья или даже иностранцем. Как заметил Марш, мужчина был довольно крупным, хотя, пожалуй, и не таким крупным, как он сам; сидя незнакомец производил впечатление человека рослого, но до размеров Марша явно не дотягивал. Поначалу из-за белых волос он показался Маршу стариком, однако, подойдя ближе, капитан заметил, что волосы не седые, а светло-пепельные. Незна-

комец из старца сразу превратился в молодого человека. Йорк был тщательно выбрит. Его продолговатое холодное лицо не украшали ни усы, ни бакенбарды. Кожа почти такая же светлая, как и волосы. Кисти рук, как заметил Марш, оказавшись рядом со столиком, походили на женские.

Капитан постучал по столику тростью. Звук, приглушенный скатертью, получился негромким, не властно-требовательным, а нежно-просительным.

— Вы Джошуа Йорк?

Йорк поднял взгляд, и их глаза встретились.

До конца жизни Эбнер Марш не забудет мгновения, когда впервые взглянул в глаза Джошуа Йорка. Все мысли, которые он вынашивал, планы, которые строил, все поглотил водоворот глаз Йорка. В один миг не стало ни мальчика, ни старика, ни франта-иностранца; на смену им пришел Йорк, человек как таковой, источаемые им сила, могущество, мечта.

Глаза Йорка оказались серыми, удивительно темными для такого бледного лица. Казалось, их черные горящие зрачки тонкими бурвчиками проникли в душу Марша и теперь оценивали, чего она стоит. Серая радужная оболочка словно жила своей жизнью. Она была подобна туману, вздымающемуся над рекой темной ночью, когда исчезают берега, когда не видно ни зги, и в мире ничего, кроме вашего суденышка, кроме реки и тумана, не существует.

В такие туманы Эбнера Марша посещали видения; они возникали внезапно и тут же рассеивались. Из бездонных колодцев глаз незнакомца на него взирал пронизательный ум. Но в непроглядном сумраке тумана чувствовалось что-то и от зверя, темного, пугающего, прикованного к цепи и потому злобно-го и неистового. Смех и одиночество, жестокая страстность — все это одновременно отразилось в глазах Йорка.

И все же главным в глазах была сила, ужасная сила, беспощадная и безжалостная, как тот лед, который разрушил мечты Марша. Где-то в этом тумане Марш ощущал медленное движение льда, едва уловимое, и почти слышал жуткий скрежет парохода и надежд.

Эбнер Марш за свою долгую жизнь никогда не отводил взгляд первым. Казалось, он смотрит на Йорка вот уже целую вечность. Рука Марша с такой силой сжала трость, что он боялся переломить ее пополам. Но на этот раз капитану пришлось первому отвести глаза.

Человек за столиком отодвинул в сторону свой суп и, махнув рукой, сказал:

— Капитан Марш. Я ждал вас. Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне.

Голос у Йорка оказался густого, приятного тембра. По всему было видно, что он хорошо образован.

— Хорошо, — произнес Марш мягко.

Он отодвинул стул напротив Йорка и сел. Марш был крупного телосложения, шести футов ростом и весил не менее трех сотен фунтов. Его красное, усеянное бородавками лицо покрывала густая черная борода, которую капитан отрастил, чтобы скрыть сплюснутый, вдавленный нос. Марша называли самым безобразным человеком на всей реке, и он знал об этом. В темно-синем капитанском мундире с двумя рядами медных пуговиц он выглядел внушительно и грозно. Но взгляд Йорка лишил его свирепости. Это фанатик, решил Марш. Такие глаза он уже видел у безумцев и проповедников, а также в истекающем кровью Канзасе у человека по имени Джон Браун. Марш не желал иметь ничего общего ни с фанатиками, ни с проповедниками, ни с аболиционистами, ни с трезвенниками.

Впрочем, когда Йорк заговорил, он перестал походить на фанатика.

— Меня зовут Джошуа Энтони Йорк, капитан. Джей Эй Йорк — официально, Джошуа — для друзей. Я надеюсь, со временем мы станем не только деловыми партнерами, но и друзьями. — В голосе его, не лишенном рассудительности, прозвучали сердечные нотки.

— Посмотрим, — сказал Марш неопределенно.

Серые глаза теперь показались ему отчужденными и немного озадаченными; то, что он видел в них раньше, исчезло. Капитан почувствовал замешательство.

— Полагаю, вы получили мое письмо? — продолжал Йорк.

— Оно при мне, — ответил Марш и вытащил из кармана сюртука сложенный конверт. Поступившее предложение показалось ему невероятной улыбкой фортуны, спасением всего того, что он боялся потерять. Теперь Марш уже начал сомневаться. — Вы хотите посвятить себя пароходному делу, не так ли? — спросил он и подался вперед.

Появился официант:

— Будете обедать вместе с мистером Йорком, капитан?

— Прошу вас, не откажите, — попросил Йорк.

— Полагаю, что присоединюсь к вам, — сказал Марш. Спору нет, выдержать взгляд Йорка трудно, но на реке не найти второго человека, кто мог бы состязаться с капитаном Эбнером Маршем в еде. — Я бы съел такого же супа и с дюжину устриц, не помешает и парочка жареных цыплят с картофелем и начинкой. Да не забудьте как следует поджарить их, чтобы образовалась румяная корочка. Принесите также что-нибудь запить все это. Что вы пьете, мистер Йорк?

— Бургундское.

— Отлично. Бутылочку того же и для меня.

На лице Йорка отразилось изумление:

— У вас жуткий аппетит, капитан.

— Это жуткий город, — тщательно выговаривая слова, произнес Марш, — и река здесь тоже жуткая, мистер Йорк. Приходится поддерживать себя в форме. Здесь не Нью-Йорк, да и не Лондон.

— Это мне хорошо известно.

— Что ж, я очень надеюсь на это, раз уж вы решили заняться речным делом. Это самая жуткая вещь на свете.

— Может быть, тогда перейдем сразу к делу? Вы владеете пароходной линией, занимающейся почтово-пассажирскими перевозками. Я хочу купить половину дела. Следовательно, ваш приход я могу расценивать как проявление интереса к моему предложению.

— Я более чем заинтересован, — согласился Марш, — и одновременно озадачен. Человек вы, похоже, умный, и надо полагать, что, прежде чем написать мне письмо, навели соответствующие справки. — Для придания своим словам большего веса он постучал по столу пальцем. — Вы не могли не знать, что последняя зима практически разорила меня.

Йорк ничего не сказал, но что-то в его облике заставило Марша продолжить:

— Грузо-пассажирская компания «Река Февр» — это я, — сказал Марш. — Я назвал ее так не потому, что обслуживаю только эту реку, что, кстати, не так, а потому, что родился в верховьях Февра* неподалеку от Галена. У меня было шесть судов,

---

* Название реки — Fevre — фонетически созвучно со словом *fever* — лихорадка. Соответственно название парохода «Грезы Февра» (*Fevre dream*) на слух может восприниматься как «горячечный бред».

которые в основном занимались коммерческими перевозками в верхней части Миссисипи, из Сент-Луиса в Сент-Пол, с заходом в Февр, Иллинойс и Миссури. Дела шли отлично. Почти каждый год я увеличивал свою флотилию на один, а то и два новых парохода. Я уже подумывал о том, чтобы расширить сферу своего влияния до Огайо и, возможно, до Нового Орлеана. Но в минувшем июле на моей «Мэри Кларк» взорвался паровой котел, и она сгорела. Случилось это в районе Дубьюка. От нее ничего не осталось до самой ватерлинии. Сотни людей погибли. А этой зимой... Эта зима выдалась жуткая. Здесь, в Сент-Луисе, у меня зимовало четыре парохода. «Николас Перро», «Данлейт», «Прекрасный Февр» и «Элизабет А». Новенькая, с иглочки, она прослужила мне только четыре месяца. Славное было судно. Почти триста футов длиной, с двенадцатью большими паровыми котлами. Быстроходная, как ни одно судно на реке. Я очень гордился своей «Леди Лиз». Обошлась мне в двести тысяч долларов, но, должен признаться, она стоила этих денег.

Тем временем принесли суп. Марш зачерпнул ложку и попробовал. Лицо его помрачнело.

— Слишком горячий, — сказал он. — Впрочем, ладно. Сент-Луис — вполне подходящее место для зимовки. Река замерзает здесь не сильно, и лед держится недолго. Нынешняя же зима выдалась непохожей на все остальные. Да, сэр. Все дело во льду. Река замерзла, как никогда. — Марш вытянул над столом огромную красную руку ладонью вверх и медленно сжал пальцы в кулак. — Положите в мою руку яйцо, и вы получите полное представление о случившемся, мистер Йорк. Лед с большей легкостью способен раздавить корабль, чем я яйцо. И когда он начал вскрываться, стало еще хуже. Вниз по реке, тесня друг друга, неслись огромные льдины, сметая на своем пути все: пристани, дамбы, лодки. Зима закончилась, и я потерял все свои суда. Все четыре. Лед отобрал их у меня.

— А страховка? — спросил Йорк.

Марш принялся за суп, громко втягивая его в себя. Поднося ко рту вторую ложку, он покачал головой:

— Я не считаю себя игроком, мистер Йорк. По этой причине никогда не доверял страховке. Это все та же игра — за исключением лишь того, что в ней ты ставишь против самого себя. Заработанные деньги я вкладывал в пароходы.

Йорк кивнул:

— Полагаю, все же одно судно у вас осталось.

— Осталось, — подтвердил Марш. Доев суп, он подал знак, чтобы подали второе блюдо. — «Эли Рейнольдз», маленькое суденышко водоизмещением в 150 тонн. Я использовал ее на Иллинойсе. Из-за того, что у нее незначительная осадка и она зимовала в Пеории, ледяного затора ей удалось миновать. Это все, чем я владею, сэр, все, что у меня осталось. Беда, мистер Йорк, в том, что «Эли Рейнольдз» немногого стоит. Купил я ее за двадцать пять тысяч долларов, и было это в пятидесятом году.

— Семь лет, — заметил Йорк, — не такой уж большой промежуток времени.

Марш покачал головой:

— Семь лет для парохода — весьма существенный срок. Большинство из них не выдерживают и четырех-пяти. Река просто пожирает их. «Эли Рейнольдз» построена лучше, чем большинство ей подобных, но старушке уже не долго осталось.

Тем временем Марш приступил к своим устрицам. Раскрывая створки раковины, он заглатывал их целиком, запивая большими глотками вина.

— Так что я совершенно озадачен, мистер Йорк, — продолжил капитан после того, как с полдюжины устриц исчезло в его желудке. — Вы говорите, что хотели бы купить половину моего предприятия, всю ценность которого составляет один-единственный жалкий, доживающий свое пароход. В письме вашем была обозначена цена. Слишком высокая, я бы сказал. Возможно, раньше, когда я владел шестью судами, грузо-пассажирская компания «Река Февр» и стоила этих денег. Но только не сейчас. — Он проглотил очередную устрицу. — Вам не окупить ваших вложений и за десять лет. Во всяком случае, с «Эли Рейнольдз». Она не в состоянии брать много груза или пассажиров.

Марш вытер губы салфеткой и посмотрел на своего собеседника, сидевшего по другую сторону стола. Пицца помогла ему восстановить силы, и теперь он снова чувствовал себя самим собой и господином положения. Взгляд Йорка действительно чертовски пронзителен, однако бояться его совершенно нет оснований.

— Вам нужны мои деньги, капитан, — сказал Йорк, — и в то же время вы отговариваете меня... Не боитесь, что я найду другого партнера?

— Я так не работаю. — Марш тряхнул головой. — Я провел на реке тридцать лет, мистер Йорк. Когда я был мальчишкой, то сплавлялся на плоту до Нового Орлеана, потом водил паромы и плоскодонки. Только после этого пересел на пароходы. Я был лоцманом, помощником капитана, матросом, помощником судового машиниста и даже чертовым клерком. Чтобы узнать дело, надо перепробовать все. Но жуликом я не был никогда.

— Честный человек. — Йорк произнес это таким тоном, что Марш не мог понять, говорит тот всерьез или насмехается над ним. — Я рад, что вы посчитали возможным рассказать мне о положении вашей компании, капитан. По правде говоря, все это мне уже известно. Мое предложение остается в силе.

— Но почему? — сердито спросил Марш. — Только дурак выбрасывает деньги на ветер. На дурака вы не похожи.

Йорк не успел ответить — принесли очередные блюда. Заказанные Маршем цыплята были покрыты чудесной корочкой, именно так, как он любил. Отделив от тушки ножку, капитан с жадностью накинулся на нее. Йорку принесли толстый кусок жареной говядины, красной, с кровью, обильно политой соусом. Марш заметил, как тот проворно и ловко принялся расправляться с нею. Его нож легко вошел в мясо, как если бы это был кусок масла. Чтобы разрезать мясо, Йорку даже не требовалось делать пилящих движений, к каким обычно прибегал сам Марш, выполняя аналогичную работу. Вилку Йорк держал, как истинный джентльмен. Сила и изящество; удлиненные бледные кисти рук Йорка обладали и тем, и другим, и Марша восхищало это. Такие руки могли быть у женщины. Белые, но сильные, твердые, как клавиши большого рояля в главном салоне «Эклипса».

— Так что? — спросил Марш. — Вы не ответили на мой вопрос.

Джошуа Йорк минуту помолчал.

— Вы были честны со мной, капитан Марш. Я не стану на вашу честность отвечать ложью, как намеревался ранее. Но не стану и обременять вас правдой. Есть вещи, о которых я не могу вам сказать, вещи, которые вам не нужно знать. Позвольте мне в этой ситуации назвать вам мои условия, посмотрим, может статься, мы придем к общему соглашению. Если нет, расстанемся как джентльмены.

Марш распилел грудку второго цыпленка.

— Продолжайте, — попросил он. — Я вас слушаю.

Йорк отложил в сторону нож и вилку и сложил ладони лодочкой.

— Я, из своих собственных соображений, хочу стать хозяином парохода. Я хочу отправиться в путешествие по великой реке в комфорте и уединении. Я хочу быть на пароходе не пассажиром, а хозяином. У меня есть мечта, цель, если хотите. Я ищу друзей и союзников, но у меня есть враги, много врагов. Детали не должны вас волновать. Если вы будете настаивать на подробностях, мне придется лгать. Поэтому лучше не давите на меня. — Глаза Йорка на мгновение стали жесткими, но он улыбнулся, и они сразу потеплели. — Единственное, о чем вам нужно знать, так это о моем страстном желании владеть пароходом и командовать им, капитан. Как вы можете догадаться, я не речник. Я совершенно не разбираюсь в судах, ничего не знаю о Миссисипи. Мои знания ограничены исключительно сведениями, почерпнутыми из тех немногих книжек, которые я читал и изучал в течение недель, проведенных в Сент-Луисе. Вполне ясно, что мне нужен коллега, кто-то, кто знаком с рекой и речниками, кто мог бы выполнять рутинную работу по обслуживанию судна, дабы я мог спокойно заниматься своими делами.

Кроме того, этот коллега должен обладать и другими качествами. Он должен уметь хранить молчание, так как я не желаю, чтобы мое поведение, которое бывает порой весьма своеобразным, стало предметом пересудов. Он должен быть надежен, так как управление судном я намереваюсь всецело передать в его руки. Он должен обладать отвагой. Мне не нужен слабак или человек суеверный, как не нужен и религиозный фанатик. Вы человек религиозный, капитан?

— Нет, — ответил Марш. — Меня никогда не интересовали библейские врали, как, впрочем, и я их.

Йорк улыбнулся:

— Значит, вы прагматик. Именно такой человек мне и нужен. Человек, который сосредоточился бы на своей части работы и не задавал лишних вопросов. Я очень ценю свой покой, и если иногда мои действия могут показаться странными, или непредсказуемыми, или предосудительными, мне бы хотелось, чтобы они не обсуждались. Вам понятны мои требования?

Марш задумчиво пощипал себя за бороду.